

Иваницкий Валерий Людвигович

доктор филологических наук, профессор, кафедра теории и экономики СМИ, факультет журналистики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 125009, Российская Федерация, г. Москва, ул. Моховая, 9, e-mail: ivanitsk@mail.ru

Valerii L Ivanitskii

Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St., 125009, Moscow, Russian Federation,
e-mail: ivanitsk@mail.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЖУРНАЛИСТИКА В РОССИИ: ДВЕ ЧАСТИ ОДНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

В статье утверждается, что российская журналистика была ущемлена в правах и обязанностях в последней четверти века. Российское государство уделяет внимание гражданскому обществу, но не возникло механизма для организации диалога граждан с властью. Причина: в России вместо классического капитализма и классического гражданского общества возникла собственная версия социально-экономического механизма. На основе анализа трудов русских исследователей автор делает вывод о том, что российский путь строительства гражданского общества лежит через реконструкцию идентичности нации, имеющей общие ценности, мотивацию, через согласие между разными социальными группами, национальностями, республиками, религиями. Для налаживания общественного диалога необходима реальная журналистика, главная роль которой — организатор и модератор общественного диалога. Для этого нужно разделить на правовом уровне национальное коммуникационное поле на пространство информационного бизнеса (public relations) и на собственно журналистское пространство, а для запуска реальных гражданских процессов в обществе через восстановление института журналистики необходима политическая воля лидера нации, так как внутренних ресурсов, в том числе, человеческих на самостоятельное восстановление у журналистики уже не осталось.

Ключевые слова: гражданское общество, национальная идентичность, теория журналистики, функции журналистики.

CIVIL SOCIETY AND JOURNALISM IN RUSSIA: TWO PARTS OF THE NATIONAL PROJECT

The article argues that Russian journalism has infringed the rights and obligations in the last quarter century. The Russian government pays attention to civil society, but did not have a mechanism for dialogue between citizens and power. There is a reason: in Russia instead of classical capitalism and classical civil society had its own version of the socio-economic mechanism. Based on the analysis of works Russian researchers the author concludes that

the Russian way of building civil society is through the reconstruction of the identity of the nation, having common values, motivation, through agreement between different social groups, nationalities republics religions. Its need a real journalism for establishing a public dialogue, the main role of which — are the organizer and moderator of the public dialogue. You need to share at the legal level national communications field on space an information business (public relations) and proper journalistic space to do this, and to start the actual process of civil society through the restoration of the Institute of Journalism need the political will of the leaders of the nation, as internal resources, including human to self-recovery in journalism no longer exists.

Keywords: civil society, national identity, the theory of journalism, journalism functions.

Создание гражданского общества в России — тема из разряда больших. Жизнь любого человека полна больших и маленьких проблем, которые требуют постоянного решения. И если общество не имеет работающих социально-правовых рутин, помогающих гражданину преодолевать трудности, то их место занимают рутины коррупционные, криминальные, затем — революционные.

Это не может нравиться никому, ни власти, ни гражданам, но клубок нерешенных и никак не решаемых проблем неумолим: слабое гражданское общество не препятствует возникновению общества революционного — свято место пусто не бывает. Вектор определился, хотя любой нормальный гражданин изначально тяготеет к жизни по правилам, опираясь на законы и традиции. И только затем, убедившись в неэффективности такого алгоритма, начинает использовать криминальные техники, что неизбежно заканчивается социальным взрывом.

Что нужно, чтобы этого не случилось? Ответ и прост и сложен одновременно — налаживание взаимодействия власти и общества, основанного на быстром и точном выявлении проблем, на нахождении путей решения и, собственно, на их реальном решении. Речь — о социальном механизме под названием «общественный диалог», процедурно обеспечивающем использование энергии граждан «в мирных це-

лях», на благо самим себе и обществу. Такой механизм уже однажды работал под управлением института советской журналистики, обеспечивая решение не только многих задач, но и эффективность нации в целом.

Журналистика в ее социальном понимании была в России сильно ущемлена в правах и обязанностях в результате демократических реформ последней четверти века. Вместе с ней пострадало и хрупкое советское гражданское пространство, и общественный диалог, а перед нацией замаячила перспектива утраты идентичности. Самое главное — ушло понимание того, что нельзя при социальном проектировании разрывать цепочку: эффективная нация — сильное государство — реальное гражданское пространство — функционирующая журналистика — работающий общественный диалог — адекватная реакция на все типы вызовов — разрешение всех типов проблем.

Сегодня, пытаюсь сохранить и нарастить эффективность нации, государство российское уделяет внимание только одной составляющей — гражданскому пространству или, как его принято сейчас обозначать — гражданскому обществу.

Получается примерно так: все вдруг заговорили о необходимости создания гражданского общества в России как о залоге национального согласия, спокойствия и процветания. И не только заговорили, но и многое начали делать:

создаются общественные советы при Президенте и правительстве, комиссии при ведомствах, общественные палаты всех мастей в Москве и на территориях, собираются бесчисленные экспертные форумы по любому поводу и без повода, безостановочно трудится институт омбудсменов и т.д. То есть структурно у нас теперь стало все «как у людей».

Остался только один вопрос — возник ли в результате этого механизм, канал, используя который любой гражданин гарантированно может вступить в диалог с властью, включиться в процесс выработки решения по интересующему его вопросу, насущной для него проблеме. Ответ таков: нет, не возник, несмотря на титанические усилия чиновников от гражданского общества, заявленное структурное многообразие никак не облегчает жизнь граждан. При этом создание структур гражданского общества щедро финансируется государством и процесс год от года только набирает силу — счет идет уже на многие десятки миллиардов рублей.

Как результат, в массовом сознании постепенно возникает понимание: вместо реального гражданского общества возникла отрасль проектирования будущего гражданского общества. Огромное количество организаций и их работников выдают «на гора» отраслевой продукт — информационный шум в виде советов, экспертных заключений, интервью, заявлений по поводу будущего российского гражданского общества.

У продукта есть свой рынок, свои заказчики, свои отраслевые регуляторы, свои покупатели, свой специфический маркетинг, и свои капитаны. В общем, есть все для комфортной зажиточной жизни некоей группы интересов на деньги бюджета, только нет реального результата работы этой группы в виде долгосрочной национальной перспективы. Сама же идея построения гражданского общества в России

постепенно начинает до боли напоминать идею строительства коммунизма: такая же завиральная и дорогая, имеющая при этом большое количество высокооплачиваемых штатных толмачей и пророков, не верящих ни одному слову в собственных же мантрах.

Такова практика строительства гражданского общества в России. При всей ее неприглядности, она не отменяет и не может отменить по определению актуальности идеи гражданского общества как социального механизма обеспечения законных прав и свобод граждан. Как социальный феномен, доказавший право на жизнь, гражданское общество не может также не вызывать острого научного интереса, уважения и признания его заслуг перед человечеством.

Так почему же тогда гражданское общество никак не заработает в полную силу в России? Давайте попытаемся разобраться, обратив внимание на целый ряд нюансов, деталей. Прежде всего, на то, что гражданское общество, которое мы мучительно пытаемся построить с начала 90-х гг. прошлого века, является феноменом западной, а точнее, англо-саксонской цивилизации. Феномен проявился в рыночной среде, и его характеристиками являются наличие собственников на средства производства, развитый институт частной собственности, невмешательство государства в дела экономики. Но это далеко не все характеристики — каноническое (западное) гражданское общество по своей природе антагонистично: оно противостоит церкви, государству, национальной традиции. Соответственно, журналистика и модерируемый ею общественный диалог работают как социальный механизм, отстаивающий право граждан на самоопределение, на принципиальную свободу от установок государства, церкви, на свободу от патриархальных норм и традиций.

Собственно, в российской истории из-за концепта противостояния гражданскому обществу

данского общества сложившимся социальным и нравственным нормам и проявились проблемы строительства. В западной цивилизации ситуация противостояния группы граждан со своими специальными интересами государству — норма. Она укрепилась вместе с англо-саксонской концепцией капитализма. Общество с сильными институтами, строительство которых было основой государственной политики на протяжении веков, автоматически подразумевает здоровую конкуренцию между равными субъектами — гражданами и властью.

В России этого равенства никогда не было. Власть сакральна, а по отношению к обществу всегда первична. Исходя из идей коллективизма, соборности, в российском обществе не может быть освященного правом открытого, публичного противостояния группы граждан нормам государства, духовно-религиозным ценностям.

В начале 90-х гг. XX в. был, видимо, небольшой шанс на успешный импорт институтов гражданского общества. Тогда россияне восприняло англосаксонскую модель рынка весьма не критично, не сочли нужным разбираться детально в намечающейся «стройке», в ее социальных последствиях и многое восприняли «на веру».

Нации достаточно было того, что капитализм, отвергая коммунистическую идею, обещает благ не меньше, чем коммунизм — и, что немаловажно, сразу и автоматически, при поддержке «невидимой рукой рынка». Не придавалось особого значения и тому, что под задачу построения капитализма по англо-саксонской модели России предлагается, по сути, радикально изменить общество, трансформировать его ценности, многие весьма полезные и эффективные на тот момент национальные институты, в том числе государство и журналистику вместе с работавшим институтом общественно-

го диалога в пространстве гомогенной национальной аудитории.

Об очевидности и неизбежности такого «размена» говорил еще Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» [3]: при строительстве капитализма меняется идентичность нации, традиционное общество, основанное на патерналистских отношениях с властью, неизбежно трансформируется. Цена за капитализм, за рынок, за свободную конкуренцию по Веберу — смена традиционного, естественного общества, связанного с патриархальными нравственными и религиозными ценностями (*Gemeinwesen*) на общество гражданское, основанное на добровольном формировании связей между людьми (*Gesellschaft*).

М. Вебер обращает внимание на то, что во многом идеология классического капитализма опирается на кальвинизм, радикальное течение протестантизма. Великий представитель немецкой исторической школы, по сути, предупреждал: решаясь на строительство капитализма в непротестантской стране, готовьтесь к трансформации нации, к изменению ее привычного уклада, институтов, к активной смене национальных ориентиров.

Возможно, у строителей российского капитализма был расчет на то, что атеистическая аудитория страны Советов воспримет идеологорелигию капитализма всей душой. Увы, благие намерения, связанные с надеждой на быстрый и безболезненный импорт института гражданского общества, разбиты об институт самодержавия в лице первого Президента России.

Последнее, на что он был готов — и тому множество исторических свидетельств — от Беловежских соглашений, до расстрела Верховного Совета России — так это на то, чтобы поделиться с нацией личной властью, трансформировать институт абсолютизма до состояния гражданского общества.

Да и «человек советский» не очень-то трансформировался за четверть века в смитовского «человека экономического», по-прежнему предпочитая деньгам свободное время. Вместо классического капитализма и классического гражданского общества в стране возникла малоподвижная, конфликтующая с «материнской» платформой во многих своих элементах российская версия социально-экономического механизма, трудно поддающаяся пониманию и описанию в общепринятой англосаксонской парадигме.

От того, что гражданское пространство в России никак не может оформиться, хорошего мало. Очевидно, что в отсутствие взаимодействия граждан и власти любое государство деградирует, любая страна теряет конкурентоспособность в глобальном пространстве, а нация утрачивает идентичность.

Понимая это, после провала операции по импорту институтов гражданского общества, самое время вспомнить о российском опыте. Концепт «особого российского гражданского общества» для нас не является исключительной новацией. Еще на рубеже XIX–XX вв. появились исследования, посвященные вопросам построения гражданского общества в России. Речь — о трудах Б.Н. Чичерина [18], С.А. Муромцева [11], А.П. Куницына [10], В.М. Нечаева [12], П.И. Новгородцева [13], С.Л. Франка [16], М.А. Бакунина [2], П.А. Кропоткина [9].

В их трудах рассматриваются различные варианты взаимодействия общества и государства, от выстраивания равновесных отношений с ним, до его полного уничтожения в результате развития гражданского общества. При этом обращает на себя внимание то, что даже при самых радикальных сценариях, например, у П.А. Кропоткина, ключевой идеей в рассуждениях является идея развития нации, повышение характеристик ее эффективности. И даже

предполагаемое анархистами устранение государства должно произойти в результате приобретения обществом характеристик эффективного управленца. Научный подход, компетентность, методологическая опрятность, отсутствие немотивированной агрессии — то, что также объединяет вышеперечисленных исследователей.

Особняком в этом ряду стоит фигура И.А. Ильина, которого, видимо, и можно считать автором концепции особого русского пути построения гражданского общества. Он одним из первых уловил, что перспективы нации связаны с моделью непротиворечивого неантагонистического строительства гражданских конструкций. Иван Александрович рассуждает так: «Сущность государства состоит в том, что все его граждане имеют и признают, — помимо своих различных и частных интересов и целей — еще единый интерес и единую цель, а именно: общий интерес и общую цель, ибо государство есть некая духовная община» [7].

Ильин, также как и Аристотель [1] и Гегель [4], считал, что государство есть условия бытия для гражданина, что нет гражданина без государства, а значит без него невозможно и гражданское общество. Сначала должно быть сильное государство как основа духовной солидарности, а потом — граждане как ее носители. И еще одна очень сильная мысль Ильина: без государства люди перестают быть гражданами, превращаясь по выражению Ильина, прошедшего через русскую смуту, в море человеческого песка.

Ильин, как никто другой, очень точно уловил, что жизнеспособность гражданского общества в России связана с признанием государства субъектом, обеспечивающим человеку свободу пользования своими правами. Государство формирует и обеспечивает гражданские права, которые затем реализуются в гражданском пространстве.

Перефразируя и уточняя некоторые мысли великого философа, можно сказать, что российский путь строительства гражданского общества лежит через реконструкцию идентичности нации, имеющей общие ценности, мотивацию, а не через агрессивное выяснение вопроса о том, кто главный в российском доме. То есть, принципиальный момент, связанный с оживлением гражданского общества в России — приведение нации в эффективное состояние, проявляющееся в жизнеспособности институтов, согласовано работающих на выявление и решение проблем. Речь — о согласованных действиях власти (Президента), государства, гражданского общества, журналистики в общих интересах нации.

Если это так, то принципиальный путь строительства гражданского общества в России — путь согласия, а не противостояния. Наша история такова, что мы все время, на протяжении веков находимся в поиске согласия между самыми разными социальными группами, национальностями, республиками, религиями. И на этом пути немало преуспели, несмотря на драматичность многих исторических периодов.

По крайней мере, ощущение внутреннего национального комфорта связано с общей позицией разных социальных групп по ключевым для нации вопросам. А вот противостояние этих групп воспринимается нами как состояние социального дискомфорта, нездоровья, преддверия грозы.

Современные исследователи проблем гражданского общества, среди которых выделим Ю.М. Резника [14], В.Г. Хороса [17], Л.М. Романенко [15], З.Т. Голенкову, имея самые разные взгляды на затрагиваемые вопросы, единодушны в одном: импорт гражданского общества в Россию, построенную на принципах коллективизма, соборности, примата общественного над личным невозможен. Названных авто-

ров объединяет еще одно — никто из них, признавая наличие гражданского общества в России или принципиальную возможность его создания и функционирования, практически ничего не говорит ни об институте журналистики, ни об общественном диалоге.

Отсутствие реальной журналистики, работающей на базе своего социального функционала в сегодняшнем процессе обустройства гражданского пространства нарушает связь власти и общества, обедняет предметное поле и самое главное — не позволяет выработать реальные критерии продуктивности процесса.

Собственно, отсутствие содержательной публичной дискуссии по поводу национального возрождения через выстраивание пространства согласия и привело к тому, что единственным очевидным результатом многолетнего процесса является массовое отторжение гражданами идей гражданского строительства.

Будь реальная журналистика полноценно включена в этот процесс, она смогла бы более четко сформулировать его ориентиры, критерии, цели и задачи, нашла бы в себе силы вслух произнести очевидные вещи, которые по непонятным причинам находятся много лет в зоне «молчаливого знания».

К такому «молчаливому знанию» в России относится понимание того, что восстановление эффективности нации, ее идентичности и ее институтов — вопрос дальнейшего суверенного существования страны. В этой ситуации остается только еще раз напомнить о роли института журналистики как организатора и модератора общественного диалога, института прошений и правдоискательства, обеспечивающего три последних столетия в сопряжении с российской властью и с различными модификациями национального капитализма идентичность, эффективность нации.

Именно русская журналистика, пусть и непросто, но обеспечивала достаточно продуктивный общенациональный диалог на всех уровнях. В этой же роли, хоть и не без ущерба для самолюбия, она умудрялась оставаться и при коммунистах. Теперь, перед лицом все множущихся вызовов современности, необходимы самые решительные действия власти по восстановлению института журналистики как драйвера сохранения и развития нации.

Для этого нужен минимум усилий — разделить на правовом уровне национальное коммуникационное поле на пространство информационного бизнеса (public relations) и на собственно журналистское пространство. Ожившая журналистика сама восстановит реальный общественный диалог как инструмент поиска согласованных решений на национальном уровне, на практике отшлифует все его составляющие. Пока же этого не произошло, наша журналистика на системном уровне лишена возможности активных действий.

Судя по всему, для запуска реальных гражданских процессов в обществе че-

рез восстановление института журналистики сегодня необходима политическая воля лидера нации. Внутренних ресурсов, в том числе, человеческих на самостоятельное восстановление у журналистики уже не осталось. За четверть века из профессионального пространства исчезли люди, которых можно считать журналистами в социальном и компетентностном смысле этого понятия.

Упирая на необходимость восстановления института журналистики в интересах укрепления нации, мы уповаем только на ее прошлые заслуги, сегодня хвалиться нечем. Нам не дано до конца понять, что создало феномен советской журналистики и что ее «подрубило» в 90-е гг. прошлого века. Но мы можем предположить, что синтетическая социальная конструкция «решешника» всех проблем человека, выстроенная в СССР вокруг института журналистики, с жестким порядком, предписывающим любым организациям и учреждениям немедленно реагировать словом и делом на критику, и была «матрицей» будущего, все еще не построенного российского гражданского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Политика / Аристотель. — М., 1983.
2. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика / М.А. Бакунин. — М., 1989.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. — М., 1990.
4. Гегель Г.Ф.В. Философия права / Г.Ф.В. Гегель. — М., 1990.
5. Голенкова З.Т. Избранные труды / З.Т. Голенкова. — М., 2014.
6. Дилигенский Г.Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? / Г.Г. Дилигенский // Pro et Contra. — 1997. — Т. 2, № 4.
7. Иваницкий В.Л. Модернизация журналистики: методологический этюд / В.Л. Иваницкий. — М., 2010.
8. Ильин И.А. Путь к очевидности / И.А. Ильин. — М., 1993.
9. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / П.А. Кропоткин. — М., 1990.
10. Куницын А.П. Право естественное / А.П. Куницын. — М., 1966.
11. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима / С.А. Муромцев. — М., 2003.
12. Нечаев В.М. Теория договора / В.М. Нечаев // Юридический вестник. — 1888. — № 10.
13. Новгородцев П.А. Сочинения / П.А. Новгородцев. — М., 1995.
14. Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации / Ю.М. Резник. — М., 1993. Ч. I; 1998. Ч. IIю
15. Романенко Л.М. О методике исследования гражданского общества / Л.М. Романенко // СоцИс. — 1995. — № 1.

16. Франк С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. — М., 1992.
17. Хорос В. Г. Гражданское общество: как оно формируется (и сформируется ли) в постсоветской России / В.Г. Хорос. // Мировая экономика и международные отношения. — 1997. — № 5. — С. 87–88.
18. Чичерин Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. — М., 1900.

REFERENCES

1. Aristotel'. *Politika* [Policy]. Moscow, 1983.
2. Bakunin M.A. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politika*. [Philosophy. Sociology. Policy]. Moscow, 1989.
3. Veber M. *Protetanskaya etika i dukh kapitalizma* [Evangelical ethic and genie of capitalism]. Moscow, 1990.
4. Gegel' G.F.V. *Filosofiya prava* [Philosophy of the law]. Moscow, 1990.
5. Golenkova Z.T. *Izbrannyye trudy* [The elite writings]. Moscow, 2014.
6. Diligenskiy G.G. What do we know about democracy and civil society? *Pro et Contra*, 1997, vol. 2, no. 4. (In Russian).
7. Ivaniitskiy V.L. *Modernizatsiya zhurnalistiki: metodologicheskiy etyud* [Modernization of journalism: methodological etude]. Moscow, 2010.
8. Il'in I.A. *Puť k ochevidnosti* [The way to evidence]. Moscow, 1993.
9. Kropotkin P.A. *Khleb i volya. Sovremennaya nauka i anarkhiya* [A bread and freedom. A modern science and anarchy]. Moscow, 1990.
10. Kunitsin A.P. *Pravo yestvennoye* [The natural right]. Moscow, 1966.
11. Muromtsev S.A. *Grazhdanskoye pravo Drevnego Rima* [The civil right of ancient Roma]. Moscow, 2003.
12. Nechayev V.M. A theory of a contract. *Yuridicheskiy vestnik = the Juridical Newsletter*, 1888, no. 10. (In Russian).
13. Novgorodtsev P.A. *Sochineniya* [The Compositions]. Moscow, 1995.
14. Reznik Yu.M. *Grazhdanskoye obshchestvo kak fenomen tsivilizatsii* [A civil society as a phenomenon of civilization]. Moscow, 1993, parts I; 1998, parts II.
15. Romanenko L.M. About the method of reseachig of society. *SotsIs*, 1995, no. 1. (In Russian).
16. Frank S.L. *Dukhovnyye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society]. Moscow, 1992.
17. Khoros V. G. [The civil society: how does it form. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World economy and international relations*, 1997, no. 5, pp. 87–88. (In Russian).
18. Chicherin B.N. *Filosofiya prava* [Philosophy of the law]. Moscow, 1900.